

Делиберативные практики в психотерапии и трансдисциплинарная коммуникативность

Светлана Динабург — старший преподаватель кафедры философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614990, Российская Федерация, г. Пермь. E-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0654-4167

Ключевые слова: делиберация, диалог, контекст, намеренность, психотерапия, проблематизация, совещательность, трансдисциплинарность

Эпистемология психотерапевтического знания развивается как интегративная область, которая охватывает пересечение философии науки, психологии и различных помогающих практик. Это способствует расширению терапевтических концепций, позволяя глубже понять не только сложность и динамичность психики, но и систему культурных отношений. В этом контексте эпистемологические проблемы психотерапии тесно связаны с кризисом наук о психике, методологическим расколом между теоретической наукой и практикой, а также с экспансией психотерапевтической практики в культурное пространство. В дополнение к частным вопросам актуализируется метапроблема: является ли психотерапия прикладной дисциплиной в рамках психологической науки или же она представляет собой новую форму знания с особыми эпистемологическими основаниями. Изменения познавательного и социального статуса психотерапии поддерживаются процессами глобальной консолидации «Большой Психологии», направленными на прояснение места человека в мире, интеграцию знаний и кооперацию акторов, а также на использование контекстно-персонализированных подходов для решения вызовов современности. В этой ситуации междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования открывают новые эпистемологические перспективы, что особенно важно в условиях недостаточной предметной и методологической проработанности исследований психотерапии. Несмотря

на неоспоримую ценность таких исследований, остаются проблемы чрезмерной обобщенности или излишней специфичности исследовательских подходов, что затрудняет учет живого опыта развития. Актуальным вектором проблематизации психотерапии сегодня является не столько эффективность методов, сколько профессиональное и личностное развитие психотерапевтов. Уникальность данной статьи заключается в конкретизации идеи развития психотерапевтов, стремящихся осознавать свои ошибки и ограничения, опираясь на опыт делиберативных практик. Принципы делиберации как целенаправленного развития были выявлены в ходе изучения деятельности высокоэффективных профессионалов, принимающих решения на основе тщательного обдумывания и обсуждения, что также соответствует практике трансдисциплинарных проектов с социальной значимостью. Показано, что оба направления делиберативных практик — профессиональное и социальное — взаимно обогащают друг друга.

Заметки об эпистемологическом поле *Большой Психологии*

исторический путь психологии, начиная от философского осмысления душевной жизни и эмпирического исследования психики, представляет собой процесс становления обширной сферы познания и практики, включающей разнообразие конкурирующих парадигм и школ, экспериментальных методов, профессиональных институтов, а также различных форм клинической и терапевтической деятельности. Здесь обнаруживаются смысловые «разрывы» и сопутствующие им «швы», которые всегда задавали главные линии эпистемологической проблематики в истории (перманентного) психологического кризиса. Во-первых, «пестрое “лоскутное одеяло”» психологической науки, где затруднительно выстроить сколько-нибудь «строгую классификацию с опорой на философскую методологию», так или иначе ограничивает исследования представлением некоторых «тенденций и перспектив», отодвигая на будущее более полную рефлексии¹. Во-вторых, разрыв между «наукой и практикой», как повсеместно и давно наблюдаемое расхождение повседневной

¹ Журавлев А. Л., Юревич А. В. Вместо введения: Основные типы тенденций развития психологии / Новые тенденции и перспективы психологической науки / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — С. 8.

практической работы не только с теорией, но и с построенной на эмпирических исследованиях доказательностью методов², имеет множество оснований и проявлений. Наконец, груз «неясностей, двусмысленностей, противоречий»³ в среде собственно практической работы и институциональных взаимодействий со временем не уменьшается в том числе и за счет «психотерапевтической экспансии» — освоения новых территорий приложения психологической помощи и «психологизации» культуры⁴. Здесь мы даем только общий абрис «современной версии проявления системного кризиса в психологической науке»⁵.

В случае же психотерапии возникает метапроблема — является ли она только прикладной психотехнической дисциплиной, действующей в рамках психологической науки, или же это «самостоятельная научная специальность», наука нового типа со специфическими эпистемологическими основаниями⁶. Во втором случае психотерапия может выступать как своего рода воплощенная «идеальная модель», раскрытие «генетики» которой позволит разрешить проявления системного кризиса всего корпуса наук о психике (поскольку психология как «зонтичная метанаука о психическом» в этой роли оказывается несостоятельной)⁷.

Соответственно, выбранная позиция в этой метапроблеме скажется на разработке основных направлений эпистемологии психотерапии, которые давно обнажились на практике. Вот неполный их перечень, обсуждаемый на протяжении десятилетий: проблема научного обоснования и влияние философских школ; природа познания в

² Аллахвердов В. М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахиней / Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — С. 174–194; Schwarzbach N. R., Hoekstra R., Poppe A., Bouman T. K., Pijnenborg G. H. M. When theory and therapy part ways – A scoping review of the science-to-practice gap // *Psychotherapy Research*. — 2025. — Pp. 1–21. — DOI: 10.1080/10503307.2025.2488019; Юревич А. В. Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии // *Методология и история психологии*. — 2010. — № 3. — С. 90–104.

³ Сосланд А. И. Психотерапия в сети противоречий // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. — 2006. — Т. 3. — № 1. — С. 46.

⁴ Симонова О. А. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // *Журнал исследований социальной политики*. — 2024. — № 1. — С. 7–11.

⁵ Катков А. Л. Эпистемологическое значение психологического кризиса // *Профессиональная психотерапевтическая газета*. — Вып. 11 (ноябрь 2020). — [Электронный ресурс]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psihologicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

терапевтическом процессе; специфика доказательности методов и эффективности практики; подстройка жестких подходов и протоколов для терапевтической ситуации в ее уникальности; неопределенность и сложность интерпретации и ее этические последствия; роль языка в создании и передаче смыслов; междисциплинарные влияния и взаимодействие, расширяющие эпистемологический контекст⁸.

Это взаимное переплетение проблем не предлагает сегодня прозрачных и исчерпывающих решений — серьезных сдвигов следует ожидать в случае применения прогрессивных, обоснованных методологий и колоссальной коллективной работы, предполагающей интеграцию, а затем и популяризацию результатов. Тем не менее, в последние годы наметился явный сдвиг от удрученности или благих ожиданий к «самоисцелению» — поискам конструктивного сближения позиций, укреплению областей консенсуса и анализу «условий возможности» общих оснований.

Сегодня обозначенная тенденция разворачивается в ситуации становления концепции «Большой Психологии», в которой просматривается несколько ветвей. Идея *Big Psychology* подхватывает вектор «Большой Истории» — прояснить место человека в мире, найти для человечества способы устойчивой и осмысленной совместности путем фундаментального единства всех знаний и познающих агентов. «Глобальная психология» (*global psychology*) в смысле ее универсализма откликается на расширение предметной области психологии, включающей все новые контексты, чтобы разнообразие человеческого опыта послужило основой для выявления общезначимых закономерностей⁹. Еще один аспект глобального размаха¹⁰ продиктован необходимостью ответа на радикальные вызовы современности и понимается как психология глобального мирового сообщества (*Global Community Psychology*) с интеграцией традиционных и инновационных подходов, цифровизацией, развитием нейронауки и персонализированной терапии.

В этой связи для эпистемологии психотерапии оказываются значимыми тренды эволюционной эпистемологии, выражающие сближение

⁸ Труды по психологическому консультированию и психотерапии: Гуманитарные исследования в психотерапии. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyjournals.ru/serialpublications/cppp/archive/2005> (дата обращения: 05.11.2025); Труды по психологическому консультированию и психотерапии: Психотерапия. Сознание. Культура. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psiologicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 05.11.2025).

⁹ Мазилев В. А. Психология и методология: тенденции и перспективы развития / Новые тенденции и перспективы психологической науки / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юрвич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — С. 10.

¹⁰ Там же, с. 16.

когнитивистики наук о жизни и проблематизацию сознания в контексте телесности и духовности, взаимосвязи эволюции и развития (evo-devo-perspective), так что познание рассматривается не столько в ключе репрезентаций, сколько как встраивание живой эмерджентности в окружающую среду¹¹. При этом концепция аутопоэзиса оказала заметное влияние на развитие новой концептуализации терапевтических отношений, психического здоровья и духовно-экологического понимания психотерапии, смещая фокус на всеобщность интерактивного развития и отношений любви с традиционной проблематики болезни¹².

Современные тенденции и выбор адекватной методологии

За последние пять–семь лет философская и социокультурная критика психотерапии заметно сместилась от принципиальной постановки вопроса «за и против» (по основным векторам – обоснование научного статуса и практическая эффективность) к более детальным дискуссиям, где критика свидетельствует о признании психотерапии и заинтересованности в раскрытии ее специфических аспектов. Направление собственно эпистемологических оснований, где в мета-анализах и «зонтичных» обзорах ранее систематически обсуждалась проблема малых выборок и гетерогенности методов, расширяется за счет критики «медиализации» и роли стандартных факторов для оценки эффективности. При этом растет корпус качественных исследований, ориентированных на значимость контекстуальных факторов и уникальность случаев. Показательно, что значительное число исследований подводит также к рассмотрению социальной проблематики: доступности и коммерциализации терапии, скрытой нормативности (в вопросах здоровья и патологии, помощи и патернализма, нормализации трудовых, гендерных, семейных и политических режимов), влияния цифровизации и новых форм (само)контроля. Представление об этом поле исследований целесообразно составить не по отдельным статьям, а в целом, по объему публикаций в рейтинговых изданиях, где представлены голоса не только профессиональных ассоциаций и исследовательских центров по психологии и психотерапии, но и независимых исследователей, организаций

¹¹ Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Е. Н. Князева. — М.: ИФ РАН, 2012. — 236 с.

¹² Gil R., Bartoli S. Influence of Humberto Maturana's epistemology on brief psychotherapy and mental health // Magazine of the Instituto de Investigación en Salud Mental. — 2023. — Vol. 2. — № 3. — DOI: 10.59885/cienciapsique.2023.v2n3.08.

и групп. Перечень зарубежных ресурсов не исчерпывается такими изданиями и порталами (дадим примеры публикаций) как *Psychotherapy Research*¹³, *Frontiers in Psychology*¹⁴, *Journal of Psychotherapy Integration*¹⁵, *National Library of Medicine (PubMed)*¹⁶, *BMJ Mental Health*¹⁷, *Counselling and Psychotherapy Research*¹⁸ или *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*¹⁹. Среди отечественных ресурсов выделим платформу *Психиатрия & Нейронауки*²⁰, ценную обзором и переводами зарубежных публикаций, портал *PsyJournals.ru* и журнал *Консультативная психология и психотерапия*²¹, а также профессиональное интернет-издание *Психологическая газета*²², известное не только

¹³ Schwarzbach N. R., Hoekstra R., Poppe A., Bouman T. K., Pijnenborg G. H. M. When theory and therapy part ways – A scoping review of the science-to-practice gap // *Psychotherapy Research*. — 2025. — Pp. 1–21. — DOI: 10.1080/10503307.2025.2488019.

¹⁴ Gaffaney J., Donaldson S. I. Addressing the criticisms and critiques of positive psychology: Recommendations for improving the science and practice of the field // *Frontiers in Psychology*. — 2025. — Vol. 16:1548612. — DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1548612. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1548612/full> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁵ Kramer U. A new start for psychotherapy integration [Editorial] // *Journal of Psychotherapy Integration*. — 2025. — Vol. 35(1). — Pp. 1–2. — DOI: 10.1037/int0000363. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psycnet.apa.org/fulltext/2025-94973-001.html> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁶ Rief W., Kopp M., Awazamani R., Weise C. Selected trends in psychotherapy research: An index analysis of RCTs // *Clinical Psychology in Europe*. — 2022. — Vol. 30. — No. 4(2). — P. e7921. — DOI: 10.32872/cpe.7921. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9667423> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁷ Gaines A. N., Goldfried M. R., Constantino M. J. Revived call for consensus in the future of psychotherapy // *Evidence Based Mental Health*. — 2021. — P. 24. — DOI: 10.1136/ebmental-2020-300208. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://mentalhealth.bmj.com/content/24/1/2> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁸ Houle S. A., Mistry N., Kolodziejczyk S., Baker S., Baldwin D., Garceau C., Sylvestre J., Tasca G. A. Therapist well-being in the context of virtual care: A qualitative study // *Counselling and Psychotherapy Research*. — 2025. — Vol. 25. — No. 4. — P. e70045. — DOI: 10.1002/capr.70045 — [Электронный ресурс]. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/capr.70045> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁹ Watts D., D'Souza J., Azevedo M. A., Chaimowitz G., Kapczynski F. Stigmatized individuals: A case for precision ethics // *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*. — 2023. — Vol. 45. — P. e20210354. — DOI: 10.47626/2237-6089-2021-0354. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://trends.org.br/article/10.47626/2237-6089-2021-0354/pdf/trends-45-e20210354.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

²⁰ Вирт К. О. Психотерапия, сфокусированная на сострадании. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyandneuro.ru/stati/compassion-focused-therapy> (дата обращения: 10.12.2025); Филиппов Д. С. Эпигенетический эффект психотерапии. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyandneuro.ru/stati/epigenetic-and-mental-diseases> (дата обращения: 10.12.2025).

²¹ Дьяков Д. Г. Методологический схизис современной доказательной психотерапии: проблемы и пути выхода. Часть 1 // *Консультативная психология и психотерапия*. — 2025. — № 33(2). — С. 9–30. — DOI: 10.17759/cPr.2025330201.

²² Катков А. Л. А. Л. Катков о работе над законопроектами: слышим ноты все тех же «старых песен» // *Психологическая газета*. — 23.10.2025. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psy.su/feed/13355> (дата обращения: 05.11.2025); Смирнова С. В., Хетрик С. В. Угроза

актуальными публикациями, но и в качестве дискуссионной площадки.

За обозначенными выше разноплановыми исследованиями и дискуссиями просматриваются различия в представлениях о субъектности, рациональности, свободе, власти, справедливости и социальном участии. И, тем самым, создается поле дискуссий о психотерапии не только как о *технике* управления жизнью, нормирования и производства современного «оптимального субъекта», но также как о *сфере постметафизики*, поднимающей вопросы о душе, личности, автономии и страдании.

Таким образом, закономерно, что психотерапия становится не только особой сферой гуманитарной практики, но и кросс- и междисциплинарной областью исследований де-факто – местом пересечения интересов и консолидации усилий исследователей различной направленности²³, а если говорить менее строго – «неким “облаком” противоречивой информации без каких-либо очерченных границ»²⁴. Во всяком случае, психотерапия трактуется сегодня уже не просто как «лечение», «воздействие», «взаимодействие» или даже «антропологическая и социокультурная дискурсивных практика»²⁵, а как «сложный социокультурный феномен»²⁶.

Естественно, что плюралистическая перспектива пытается совместить несколько концептуальных рамок и обсуждает необходимость диалога между философией, клиникой, социологией, антропологией и правом, что, безусловно, является теоретико-практическим вызовом. Понимая риски неизбежной эклектичности стихийного плюрализма, мы выступаем с методологической позиции трансдисциплинарности, которая на протяжении своей полувековой истории вырабатывала стратегии для интеграции идей, ценностей и опыта через организацию сотрудничества широкого круга заинтересованных

«живости» в психотерапии – чрезмерная формализация и стандартизация практик // Психологическая газета. — 15.11.2025. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psy.su/feed/13396> (дата обращения: 05.11.2025).

²³ Филатов Ф. Р. Диалогическое взаимодействие «психотерапевт–клиент» как предмет комплексного психологического исследования // Северо-кавказский психологический вестник. — 2008. — Т. 6. — № 3. — С. 92.

²⁴ Катков А. Л. Эпистемологическое значение психологического кризиса // Профессиональная психотерапевтическая газета. — Вып. 11 (ноябрь 2020). — [Электронный ресурс]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psihologicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁵ Гриншпун И. Б., Цапкин В. Н. Психотерапия // Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://old.bigenc.ru/pdf/3171664> (дата обращения: 10.12.2025).

²⁶ Бухаров Я. М. Психотерапия: краткий очерк // Шаги / Steps. — 2019. — № 1. — С. 37, 27.

участников. Здесь «человекоцентрированность» обусловлена не только ориентацией на решение сложных жизненных проблем, но и предполагает принцип личной ответственности и активного вклада, при котором субъект становится центром собственного существования и взаимодействует с равными ему субъектами. Баланс внутренней рефлексии и внешней деятельности, способность реализовывать собственные идеи и воспринимать чужие, формируются в сфере личной компетентности²⁷. Развитие соответствующих качеств (способность интегрировать бытийно-смысловые режимы, разрешать парадоксы и учитывать изменяющиеся контексты) становится для трансдисциплинарности одним из ключевых условий ее возможности. Эта своего рода «терапия» требует целенаправленных усилий, поскольку мотивация к сотрудничеству вырабатывается не только благодаря пониманию природы экзистенциальных и социальных кризисов, позитивному опыту кооперации и техниками принятия решений. Интеграция позиций при поиске баланса интересов возникает благодаря «общности по настроению», в усилиях «сбыться именно вместе»²⁸ в ситуациях напряжения между многими и интенсивными полярностями.

Междисциплинарные и трансдисциплинарные аспекты психотерапии

Философская рефлексия «Большой Психологии», основы которой закладывались на протяжении XX века трудами Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, Л. С. Выготского, М. Фуко, М. Мамардашвили в тесной связи с осмыслением кризиса науки и культуры, выходит далеко за пределы эпистемологических задач. С одной стороны, философское осмысление проблемного и сложного опыта (лечения расстройств, изучения безумия и разрешения кризисов обыденного существования) не только «позволяет поставить вопрос о пределах тех или иных философских концепций»²⁹, но и привело к расширению практической философии с образованием профессии философа-консультанта по

²⁷ Динабург С. Р. Трансдисциплинарность как практика кооперации и коммуникации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. — 2015. — № 4. — С. 58.

²⁸ Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2009. — С. 160.

²⁹ Бардина С. М. Междисциплинарность как методологическая особенность «философии психиатрии»: дисс. канд. филос. наук: 09.00.01. — Москва, 2014. — С. 4.

типу психотерапевтической практики. С другой стороны, в ходе такой практики всегда возникали вопросы, требующие постоянного философского переосмысления оснований разума и деятельности, динамики развития, подлинной коммуникации, целостного подхода к человеку, отношений власти и т. д. Необходимость междисциплинарного взаимодействия нередко осознается и затрагивается во многих работах, «однако чаще всего не в качестве основной тематики»³⁰.

Анализ массива разноплановых исследований психотерапии (от академических диссертаций до терапевтических эссе) позволяет выявить следующую специфику ее философской рефлексии.

Во-первых, выход на эпистемологическую проблематику психотерапии происходит, как правило, с позиций ее культурно-исторического становления, социально-философского или антропологического анализа, а также специфических предметных ракурсов (как врачебное искусство, практика «заботы о себе», средство преодоления экзистенциального кризиса или развивающая деятельность). При всей ценности этих разработок при таком подходе реализуются два сценария, актуальных для всего поля наук о психике. Первый — «эпистемологический тупик», когда собственная или заимствованная метапозиция исследователя по отношению к теоретическим конструкциям становится единственным ориентиром. Во втором, и более частом, случае исследователя ждет «эпистемологический хаос»: отсутствие системной организации и обоснованных приоритетов приводит к повторению беспорядочных и неструктурированных подходов (ситуация «заезженной пластинки»³¹). Исследование «условий возможности» психотерапии как «эпистемы» в широком смысле не позволит выйти из указанных сценариев, при отделении эпистемологического «как?» от онтологического «что?», а именно от «определения беспредельного» в связке «психического» и «помощи через интеракцию». Стратегии восстановления этого онтологического основания могут быть различны: как упомянутая выше эмерджентность сознания-тела в *evo-devo-perspective*, так и «выведение полного объема психического в систему кодифицированных научных знаний», включая не объективизируемые аспекты души и

---

³⁰ Там же, с. 5.

³¹ Катков А. Л. Эпистемологическое значение психологического кризиса // Профессиональная психотерапевтическая газета. — Вып. 11 (ноябрь 2020). — [Электронный ресурс]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psihologicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 10.11.2025).

духа³². Мы видим, что как таковая концептуализация общих признаков путем апелляции к специфике коммуникации, миссии, техник, этики и пр. еще не позволяет отчетливо фиксировать уникальность психотерапии и отчетливо дифференцировать ее от других дисциплин, видов практик (помогающих, социальных, антропологических и пр.) и венаучного знания. Поскольку это различие фактически лишь постулируется, приводимые критерии достаточны, чтобы вести вполне содержательные дискуссии («является ли майевтика Сократа психотерапией?» или «почему один человек должен платить другому за разговоры о жизни?»), но не позволяет разместить все многообразие психотерапевтической теории и практики в определенных бытийно-смысловых контурах. Последнее, в частности, возвращает актуальную ситуацию законодательного регулирования сферы психологической практики и психотерапии на «логические круги»³³, которые были и будут мучительными и не эффективными на уровне локальных законопроектов, без консолидации главных факторов.

Во-вторых, предлагаемые до сих пор философские концептуализации являются теоретическими моделями, оставляющими за рамками рассмотрения динамику психотерапии как феномена с его многочисленными отступлениями от «идеала». Реальная психотерапия, известная как эмпирика и рефлексия живого опыта, оказывается далека от своего концептуально-теоретического образа. Когда пропущены важные связующие элементы («мосты»), тогда особенности познавательного процесса (эпистемология) не следуют сами по себе из истории психотерапии (генеалогии и феноменологии), а структура онтологических понятий в определении психотерапии не позволяет объяснить перипетии ее социального бытия. В качестве примера приведем две темы, которым предстоит занять значительное место в создании более целостного образа психотерапии. Одна из них представлена исследованиями наносимого психотерапией вреда и является значительно менее разработанной, чем поиски доказательств ее эффективности. Отмечается, что нежелательных явлений, представляющих собой как клинические, так и собственно психологические эффекты, следует ожидать примерно у 5–20 % пациентов, и при этом нет достаточной ясности, что именно считать негативными

---

³² Там же.

³³ Катков А. Л. А. Л. Катков о работе над законопроектами: слышим ноты все тех же «старых песен» // Психологическая газета. — 23.10.2025. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psy.su/feed/13355> (дата обращения: 05.11.2025).

последствиями, как их выявлять и компенсировать³⁴. Другая тема (а вернее, глубоко связанная с первой) разворачивается при фокусировании внимания на проявлениях «отношений власти» в психотерапии. Тезис о том, что психотерапия, ключевым признаком которой является диалог, принципиально отличается от антропологических практик модерна, базирующихся на исследованных М. Фуко «практиках власти-нормализации» и присущих триаде тюрьма-школа-клиника³⁵ не достаточен и, скорее, маскирует реалии. Опыт, обобщенный в бестселлере «Power in the Helping Professions» еще в 1970-е годы, показывает обратное: искушения власти (как и тяга к «формализации») не исключение или девиация личного порядка — для терапевта, как и для врача, учителя, социального работника и священника они оказываются настолько же характерной чертой, сколько и желание помочь³⁶. Более того, амбиции власти, присущие не только отношениям «в терапевтическом кабинете», но и во всей психотерапевтической жизни (в среде коллег, обучения, исследований и др.), могут быть более изощренными у харизматических личностей, отказывающихся от власти в явном виде³⁷. Тем самым психотерапия как частная концептуальная модель или «метафизический образ» и сфера действия реальных людей, «раненых и ранящих целителей» различаются так же, как надводная часть айсберга и айсберг целиком. Кантовское понимание принадлежности человека к «миру свободы» и «миру необходимости» одновременно служит в психотерапии ориентиром для той эпистемологической и этической осторожности, когда исход коллизий и ловушек не предрешен, но требует усилий разума в полном его смысле.

Наконец, частные ракурсы даже философской, не говоря о психологической или иной дисциплинарной рефлексии психотерапии не обладают тем целительно-эвристическим потенциалом, какой наличествует у нее самой. Выделение инвариантов помогающих практик (забота, помощь, диалог, интеллектуальные и этические добродетели и пр.) еще не способствует разрешению кризисов современной реальности, а

---

³⁴ Соловьева С. Л. Отрицательные последствия психологического вмешательства // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2024. — № 2. — С. 44–45.

³⁵ Воробьева Л. И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ: дисс. канд. психол. наук: 19.00.01. — Москва, 2016. — С. 193.

³⁶ Гуггенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине / пер. с нем. С. С. Панкова; науч. ред. В. В. Зеленского. — СПб.: Б. С. К., 1997. — С. 2.

³⁷ Сосланд А. И. Харизматическая личность в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. — 1997. — № 3. — С. 168.

констатация практической направленности психотерапии не объясняет современного этапа ее экспансии в новые сферы социального познания и действия. Поэтому здесь пути исследования могут расходиться. Первое направление, мощное по обоснованию, но по результатам скорее перспективное, выбирает своим объектом развитие психотерапии в его целостности и системности, захватывая самосознание эпохи и другой социальный и культурно-исторический контекст как целое с определенной психотехнической культурой³⁸. Другое — фокусируется на профессиональном статусе психотерапевтов, стремясь выявить круг обобщенных и унифицированных характеристик и их специфику. Необходимо отметить, что здесь немало академических исследований, посвященных «формированию и динамике» таковых (профессиональной позиции, самосознанию, идентичности, личностным качествам, когнитивным и языковым стилям) определенной группы практиков; гораздо реже встречаются метаисследования профессионального развития психотерапевтов, проводимые институциональными организациями вроде *Society for Psychotherapy Research*³⁹. Общим для такого типа исследований является попытка выявления неких «универсалий»: портрета современного психотерапевта на основе объективизирующих признаков или его собственных идей о факторах развития, как и движения по типичным стадиям профессионального роста. Обширный массив эмпирических данных, несмотря на свою безусловную ценность, может впечатлять своей масштабностью, однако чрезмерно обобщенные или тривиальные результаты требуют дальнейшей конкретизации и углубленного анализа. Но важнее другое — за кадром остается вопрос о методологии или стратегии живого опыта развития, его аутентичности, контекстности и направленности. Иначе говоря, классическая идея перехода от «сущего» к «должному», связи «эпистемологического» и «этического» раскрывается для психотерапии от вопроса «что такое психотерапия?» к ряду вопросов, одним из которых становится вопрос «каков путь (развития) психотерапевта?».

В проблематизации поставленных вопросов (то есть их развертывании, а не поспешном решении) обратимся к опыту трансдисциплинарности (ТД). Концепция, основоположниками которой принято

---

³⁸ Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования // Культурно-историческая психология. — 2010. — № 6 (2). — С. 88–97.

³⁹ Бурлакова Н. С., Заряник В. В. Профессиональное развитие психотерапевтов и особенности их психотерапевтической практики (обзор результатов международного исследования) // Журнал практического психолога. — 2009. — № 6. — С. 94.

считать Ж. Пиаже и Б. Николеску, вызрела на протяжении XX века как ответ на ситуацию радикальной раздробленности познания — не только в смысле дисциплинарного деления науки, но и разделения между культурами и разными формами знания (метафора Вавилонской башни). Значителен вклад отечественных исследователей ТД: В. И. Аршинова, В. А. Бажанова, Е. Н. Князевой, Н. Н. Моисеева, Л. П. Киященко и др. в разработку принципов, ставших базовыми для нескольких школ и направлений, так что сегодня можно говорить о философии трансдисциплинарности⁴⁰, а дискурс о ТД стал многообразным и широко распространенным.

Одна из главных интенций ТД — соответствовать современности в ее нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. Однако трактовка ТД-стратегий только лишь как вынужденного, практико-ориентированного решения в русле прагматического поворота, задаваемого методологией гуманитарного знания (как своего рода почетная капитуляция перед хаосом), была бы и неполной, и неплодотворной. ТД может стать катализатором более радикальных эпистемических изменений и прагматических инноваций, если соблюдаются принципы совместного производства знаний и диалога⁴¹. Выход за пределы «эпистемологического плюрализма» как принципа междисциплинарности происходит в ТД при постановке двух ключевых задач: с одной стороны, лучше понять жизненный мир в его целостности и действовать в конкретном социокультурном контексте, а с другой — создавать сложные системы знаний, ориентированные не столько на интеграцию знаний как таковых, сколько на вовлеченность и коллаборацию людей с их проблемами и ресурсами (фундаментальный переход от «что?» и «как?» к «кто?» и «в каком контексте?»).

Ключевые идеи трансдисциплинарности и смыслы делиберации

Поскольку трансдисциплинарность определяет и взаимно определяется (*defines and is mutually defined*) индивидуальной и коллективной деятельностью⁴², то центр внимания в ТД-проектах принадлежит различным аспектам коммуникативности, трактуемой как делиберация.

⁴⁰ Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2009. — 205 с.

⁴¹ Handbook of Transdisciplinarity: Global Perspectives / Roderick J. Lawrence (ed.). — Edward Elgar Publishing, 2023. — 696 p. — DOI: 10.4337/9781802207835.

⁴² Там же, с. 18.

Затронем в этой связи лишь некоторые ключевые идеи ТД, которые акцентируют уже представленную выше проблематику⁴³.

Контекст — это формирующая отношение концепция, а контекстуальные факторы и переменные требуют тщательного отбора и отклонения заранее определенных предположений, обобщений и норм. *Контекстуализация* — коллективный процесс, который происходит на протяжении последовательных дискурсивных и рефлексивных фаз ТД-проектов. Для практиков, руководствующихся возникающими и многослойными контекстуальными условиями и не считающих себя универсалами, актуальны интеллектуальное смирение или скромность.

Культивирование, а не предписание («выращивание, а не рецепт») выводит процесс за рамки уже известных моделей и протоколов, а достижение результата и его качества не гарантируется применением даже отработанных инструментов и методов. Необходимы средства, которые позволят перейти от стихии разнообразия и плюрализма к развитию общего пространства, в частности привлечение координаторов (медиаторов, фасилитаторов), способных привести участников при расхождении позиций к конструктивному исходу.

Политика и властные отношения, или — более мягко — вопросы контроля и влияния, будут сказываться на всех этапах: от формулирования проблем до оценки результатов. Поэтому выявление позиций всех участников в соответствии с их рангами, способностями, компетенциями, навыками и ценностями должно обсуждаться в начале любого проекта.

Таким образом, ТД-проекты если вообще возможны, то благодаря практикам рефлексивности, что само по себе является результатом десятилетий критического мышления и дебатов по широкому кругу вопросов в делиберативных практиках.

Многозначное английское слово *deliberation*, на основе которого образовалось современное устойчивое понятие «делиберативные практики», принадлежит тому же смысловому полю, что и проблематизация (*problematization*). Российскую аудиторию может вводить в заблуждение сочетание латинского префикса *de-* в основной функции отмены действия и хорошо известного значения *liberare* («освободить»). Однако, как проясняет этимологический словарь современного английского языка⁴⁴, префикс *de-* во многих английских словах имеет смысл «полностью, до самого дна» (интенсивный или завершающий), а *liberare* соединилось с *librare* («сбалансировать, выровнять, взвешивать»).

⁴³ Там же, с. 19-24.

⁴⁴ Online Etymology Dictionary. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.etymonline.com/word/deliberation> (дата обращения: 14.10.2025).

В любом случае *deliberation* (делиберация) сегодня имеет три основных значения⁴⁵: 1) известный с конца XIV в. «акт обдумывания или обсуждения чего-либо и тщательного принятия решения» (причем оттенок «медлительности в решении или действии» возник в начале XV в.⁴⁶); 2) «взаимное обсуждение и рассмотрение группой лиц (например, присяжными или законодательным органом) причин за и против той или иной меры» — отсюда прилагательное «совещательный» (*deliberative*), это значение прослеживается с конца XV в.; 3) «качество и состояние сознательности». Качество находится в семантическом поле синонимов: рассмотрение, сосредоточение (медитация), размышление, мысль, рефлексия, осмотрительность, настороженность, осторожность, задумчивость, цель, сознательная решимость, отчетливое намерение, хладнокровие, предчувствие злого умысла, что делает его очень близким к латинскому *prudence* и греческому *φρονεσις* — с одной стороны, к «разумной взвешенности, практической осмотрительности», с другой — к «акту воли, практическому действию, поступку». Таким образом, это совокупное значение «намеренности», «хорошо подготовленного, осмысленного действия».

Этот лингвистический экскурс необходим нам для того, чтобы зафиксировать два ключевых аспекта для понимания «делиберации». Во-первых, коммуникативный аспект акта обдумывания и принятия решения напоминает (иллюстрирует) следующее: хотя интересубъективность в истории идей — это тематика XX века, но задолго до этого «делиберация» как практика субъективации предполагала интересубъективный компонент. Может казаться очевидным тот факт, что люди всегда обсуждали друг с другом сложные вопросы, однако реальная «совещательность», требующая умения «поставить себя на место другого» и «принять позицию другого», заметно отличается от дискуссий⁴⁷ (форм обмена мнениями, диалектики, полемики, риторики), культивируемых начиная с античности как обмен позициями в спорном вопросе или искусство спора (поиска истины и выработки решений) в столкновении мнений и противостоянии сторон, а также от подчинения влиянию компетентной рекомендации или духовного совета. Во-вторых, смыслы (2) и (3) акта делиберации как взвешенного решения спроецировались в

⁴⁵ Merriam-Webster Dictionary. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/deliberation> (дата обращения: 14.10.2025).

⁴⁶ Online Etymology Dictionary. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.etymonline.com/word/deliberation> (дата обращения: 14.10.2025).

⁴⁷ Сидорова И. М. Дискуссия в истории философского познания // Актуальные вопросы современной науки. — 2013. — № 27. — С. 233–243.

два разных вида делиберативных практик, первый из которых означает «совещательность», а второй — «намеренность».

Делиберативные практики и трансдисциплинарная коммуникативность

Два пути реализации делиберативных практик конституировали практику трансдисциплинарности и психотерапии по-разному, однако сегодня можно заметить явные тенденции к их объединению.

Трансдисциплинарность основывалась изначально на принципах социально-политической практики и «делиберативной демократии»⁴⁸ (предложенной Дж. Коэном как продолжение идей «Теории справедливости» Дж. Ролза, в основе которой лежит моральное измерение политики, размышление об общем благе, учет интересов всех участников общественных отношений, «стейкхолдеров»). Поэтому делиберативные практики в трансдисциплинарности — это прежде всего базовый инструмент «совещательности»: общественная коммуникация и коллаборация, нацеленная на достижение рационально-практического консенсуса. При решении практических задач она предполагает готовность каждого пересматривать свои взгляды и позиции с учетом интересов всех «стейкхолдеров» (затронутых сторон-участников). Совещательные практики в психотерапии обнаруживаются, когда мы рассматриваем эту профессиональную сферу как социальную институцию, и в той мере, насколько совещательность возможна в том или ином ее регионе (например, при составлении программ и критериев профессиональной подготовки, проведении супервизионной работы или разборе этических коллизий). Однако не меньшего интереса заслуживает второе направление делиберации, понимаемое как «целенаправленная» или «намеренная» практика, инициированное озабоченностью о том, насколько эффективна практика профессионалов и каковы факторы ее повышения.

Косвенным образом оба направления оказываются связанными институционально, поскольку вопрос об эффективности практикующих затрагивает интересы различных общественных групп и, следовательно, становится предметом социальных обсуждений и исследований. Примечательно, что в то время как в первом направлении делиберативных практик задавались вопросом, каким образом ограничить власть экспертов при принятии решений высокой социальной

---

⁴⁸ Павлова Т. В. Делиберация как фактор конституирования поля современной политики // Политическая наука. — 2018. — № 2. — С. 74–75.

значимости и построить условия диалога с «профанами» в трансдисциплинарных обсуждениях, формировалось другое, в основе которого лежал интерес к тому, каким образом эксперты достигли экстремально высоких показателей в своей работе (80–90-е годы). В соответствии с биопсихосоциальными теориями развития и обыденными представлениями, эксперт достигает уровня высокого профессионализма за счет способностей (генетические факторы), благоприятной среды (средовые факторы) и, главным образом, опыта работы (как будто бы опыт эквивалентен умениям). Популистская концепция «10000 часов», якобы необходимых для того, чтобы дебютанту стать профессионалом, выдвинутая Малкольмом Гладуэллом как интерпретация исследования Андерса Эрикссона, спровоцировала более детальные и обоснованные исследования. В частности, сам А. Эрикссон, получивший неформальный титул «эксперта по экспертам», подчеркнул, что в 10000 часов нет никакой магии, длительность практики не является определяющей⁴⁹, и, напротив, значительное число профессионалов подвержено стагнации, профессиональной деформации и застреванию в консерватизме. Так, гарвардский метаанализ (2005), обобщающий данные 60 исследований⁵⁰, показал, что в медицинской сфере, где персонал мотивирован на повышение квалификации и регулярно его проходит, за редким исключением ни врачи, ни медсестры не становятся лучше только за счет наработки опыта. Ситуация, когда профессиональная элита склонна переоценивать собственную компетентность и бороться в большей степени за репутацию, а не за уровень реальной квалификации, вызвала и вызывает серьезную озабоченность в условиях нарастания динамики и сложности современного мира.

Исследование практик (в спорте, музыке, медицине, математике, истории, программировании, академической деятельности, военном деле и др.) позволило установить, что профессионала высокого уровня отличает от подавляющего большинства практиков среднего уровня приверженность целенаправленной практике⁵¹.

Качество намеренности и осознанности такой практики, названной одним из ее исследователей (А. Эрикссоном) «делиберативной»,

⁴⁹ Vu R. Achieving Peak Performance: A Conversation with Anders Ericsson. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://behavioralscientist.org/achieving-peak-performance-a-conversation-with-anders-ericsson/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁵⁰ Эрикссон А., Пул Р. Максимум. Как достичь личного совершенства с помощью современных научных открытий. — М.: Азбука-Аттикус, 2016. — 330 с.

⁵¹ Ericsson K. A., Krampe R. Th., Tesch-Romer C. The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // *Psychological Review*. — 1993. — Vol. 100. — No. 3. — Pp. 363–406.

как мы видим, включает в себя черты «открытой» — рефлексивной и контекстно-ориентированной — рациональности. Те, кто следует этому пути, тщательно планируют осознанную практику, поддерживают высокий уровень мотивации в течение длительного периода (не менее 10 лет), но ограничивают продолжительность непрерывных усилий, чтобы избежать утомления и «выгорания». Тем самым такие практикующие становятся просто «профи» в конкретной области, но прежде всего экспертами в своем профессиональном и личном развитии. Целенаправленная делиберативная практика:

1) предполагает высокий уровень вовлеченности (вложения времени и сил) в первую очередь для рефлексии (позволяющей кумулятивно и системно накапливать, а не эклектично собирать самые различные навыки и знания), а также для создания своего индивидуального стиля (поскольку отклонения от базовых стандартов и моделей неминуемы для улучшений метода и приобретения гибкости);

2) более нюансирована и контекстуализирована и, безусловно, чаще, чем обычная практика, сталкивается с мировоззренческими вопросами. В частности, она поддерживает изучение мелких ошибок и неудач, индивидуализированных и частных случаев, учитывает личную специфику практика и не советует слишком полагаться на отработку успешности и общих сценариев. А для этого необходимо постоянно перерабатывать наследие культуры «страха ошибок и неприятия рисков»; дискурс социальной озабоченности вокруг ее ключевых понятий — *failure aversion* (неприятие неудачи), *risk aversion* (избегание риска), *blame culture* (культура обвинения) и *zero-defects mentality* (менталитет нулевых ошибок) — показывает повсеместный недостаток возможностей открытого и безопасного обсуждения.

3) требует тренируемой способности целеполагания и концентрации, соизмеряя поставленные задачи с ресурсами собственного здоровья и работоспособности. Необходимость ясно ставить ближайшие и отдаленные цели и удерживать внимание не только на процессе деятельности, но и на собственном состоянии и переживаниях (не выключаясь из состояния осознанности) обеспечивается не только когнитивными усилиями и навыками, но и эмоционально-чувственной и телесной компетентностью;

4) невозможна без обратной связи — саморефлексии по поводу результатов изменений и ошибок, оценок со стороны (заинтересованных сторон) и поддержки наставника, самостоятельно избранного и близкого по духу и стилю.

Иначе говоря, такая делиберативная практика развивается в магистральном направлении (главный вектор, поддерживаемый множеством линий и сетей инфраструктуры), для которой принципиальным являются две компоненты:

- «практика-вне-практики» (А. Эрикссон), т. е. творческая активность, продолжающаяся вне пределов основной деятельности;
- «зона ближайшего развития» (по Л. С. Выготскому), ассимилированная западными исследователями как «*zone of proximal development*» или сфера кооперации.

Первая компонента означает, что намеренная практика принципиально трансгрессивна при сохранении кумулятивного, целостного ядра, она стремится за пределы базовой деятельности и поставлена перед необходимостью наводить мосты с другими сферами знания, вовлекаясь в социальную практику и используя их культурный опыт и творческий потенциал не только путем прямого переноса методов и знаний, но и опосредствовано — их переносом (трансфером) через границы в виде метафор.

Вторая компонента означает, что намеренная практика принципиально интересубъективна и реляционна, базируясь на отношениях «Я и Другой». Субъектность требует мужества выхода из зоны уже состоявшегося равновесия (комфорта), «самопревосхождения», преодоления инертности и статичности через усилие, а не насилие. Адекватность усилия калибруется в том числе тем, чтобы не оказаться в зоне самообесценивающего восхищения Другими или resentimenta, парализующими собственную активность. Для этого нужно «стараться не сильнее, а просто по-другому»⁵², изучая нейрофизиологические, психологические, социальные основания этого процесса. Интересубъективность реализуется в диалоге с «более знающим другим» (Л. С. Выготский), коллегой или наставником, и такая совместная работа помогает идентифицировать ошибки друг друга и планировать следующие шаги.

Делиберативные практики в психотерапии

Психотерапевт Скотт Миллер, размышляя об эволюции психотерапии как практик и постоянный участник конференции «Эволюция психотерапии» на протяжении более 10 лет, переосмыслил

⁵² Эрикссон А., Пул Р. Максимум. Как достичь личного совершенства с помощью современных научных открытий. — М.: Азбука-Аттикус, 2016. — 330 с.

концепцию А. Эриксона в приложении к психотерапии и продолжил исследования делиберативных намеренных практик, основав Международный центр клинического мастерства. Истоком этого послужил его личный и профессиональный кризис «потери веры»⁵³, связанный, с одной стороны, с убежденностью в том, что на рубеже XXI века психотерапия, несмотря на свое методическое разнообразие, не развивается, а стагнирует и рискует не выдержать эволюционной конкуренции практик, если не адаптируется к новым условиям. С другой стороны, его постигло «экзистенциальное разочарование» в том, что даже при самой успешной подготовке и точной инструментровке, психотерапия не является таким же ремеслом, как «работа врача или плотника»: слишком много зависит от личности клиента — качества возможного с ним альянса и его собственного желания изменений (субъектности). Его вывод короток: эволюционировать должна не психотерапия, а психотерапевты. И хотя в становлении психотерапии достаточно рано стало ясно, что личность терапевта является одним из ключевых факторов успеха, вопрос *«как именно он должен действовать?»* оставался самым недооцененным (инсайты и предположения не давали представления о том, «как работали лучшие терапевты» и каковы признаки реального развития). Для выявления общих трансметодологических факторов эффективности психотерапии исследовались теоретические ориентации, методы, особенности клиентов, их нарушения, но фокусирование на этих аспектах стало теоретическим и эмпирическим тупиком. Разница в результатах не зависела от модели психотерапии, возраста, пола, рабочей нагрузки, научных предпочтений, социальных навыков, уровня эмпатии, наличия ученой степени, опыта, практики или количества часов, проведенных в работе с клиентами. К 1980-м годам исследования эффективности психотерапии «прошли полный круг и вернулись в исходную точку», подведя к выводу, что ключевыми факторами успеха являются именно терапевтические отношения и личные характеристики клиента, а конкретные модели и техники занимают наименьшее значение и зачастую объединяются с эффектом плацебо⁵⁴.

Использование общих факторов эффективности психотерапии сыграло роль моста между различными терапевтическими подходами,

⁵³ Миллер С. Теряя веру: необходимость нового взгляда на психотерапию // Электронный сборник статей портала психологических изданий Psyjournals.ru. — 2019. — Т. 8. — № 2. — С. 1.

⁵⁴ Там же, с. 6.

так что стал возможен базовый словарь «объединяющего языка психотерапевтической практики»⁵⁵. Но это не решило проблемы. С одной стороны, «мы продвигали определенный вид обоснованной эклектики»⁵⁶, а с другой — парадокс общих факторов заключался в том, что их обобщенность не позволяла их использовать для конкретных решений в ежедневной терапевтической практике. Попытка обойти проблему, представив факторы скорее как принципы, чем строгие указания, и надежда получить гибкий инструмент для подбора терапии на основе нужд конкретного клиента, не создавая модель терапии, но варьируя техники и приемы, оказались «наивным и болезненным» самообманом⁵⁷.

Итак, генеральная стратегия адаптации делиберативных практик в сфере психотерапии состоит в том, чтобы развивать самого себя целенаправленно, решая конкретную ситуацию каждый раз заново, а не пытаться подбирать «подходящие» под ситуацию терапевтические инструменты. В дополнение к общим идеям, предложенным выше, для профессионального развития психотерапевта критически важны следующие составляющие направленности: разработка стратегической линии движения и схватывание общего смысла за частностями; вовлеченность во взаимодействие с наставником (обратная связь и многократная переработка обнаруженных затруднений); создание ресурса, особенно в своих слабых местах; уход от излишней самокритики; внимательность к своей жизни «за пределами» собственно рабочего процесса. Целенаправленная практика отличается от рутинного повторения успешных действий тем, что предполагает сознательные и систематические выходы за пределы зоны привычки и равновесия, с постоянным фокусом на анализе ошибок и попытках их исправить. Такой подход требует детального понимания и поэтапного отработки компонентов развиваемого навыка, а также регулярного самоанализа процесса обучения. В реальной жизни и профессиональной деятельности редко предоставляется возможность полностью сосредоточиться на развитии конкретных умений, поэтому практики должны создавать эти условия самостоятельно, разрабатывая специализированные упражнения, особенно при отсутствии наставника.

Конкретика анализа ключевых моментов психотерапевтического процесса, которая стала новыми инструментами, может быть транспонирована в другие сферы помогающих практик.

⁵⁵ Там же, с. 7.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, с. 8.

Заключение

Сегодня мы наблюдаем взаимное пересечение и «переопыление» (кросс-фертилизацию) разных ветвей делиберативных практик. Сопоставительные практики, применяемые в трансдисциплинарных проектах, нуждаются для своего подкрепления в инструментарии направленных практик. В частности, трансдисциплинарные дискуссии, проводимые без нейтрализации барьеров коммуникации несут риски принятия недостаточно обоснованных, односторонних или популистских решений в результате когнитивных ошибок, личностной и групповой динамики, разыгрывания тематики власти и других коллизий реальных взаимоотношений. Сегодня потребность в инструментарии для трансдисциплинарных стратегий осознается, обсуждается, насыщается в обмене идеями и опытом⁵⁸.

С другой стороны, психотерапия в лице своих практиков выходит в сферу социального взаимодействия, так что на повестку дня выходят задачи, еще совсем недавно немислимые с традиционной позиции профессионального психотерапевтического стандарта — ценностной и политической нейтральности. Сегодня речь идет уже не только о выдвигании психотерапии в сферу социальной работы с образованием культурно-просветительских и медийных проектов, примером которых может быть *Этнодраматерапия*⁵⁹ и другие виды социального театра с терапевтической составляющей. Другая новация — интеграция общественного активизма в терапевтическую практику, рефлексия психотерапии как общественного института, отражающего или формирующего социальные роли членов общества. Поиски в этом направлении ведут в перспективе к «фундаментальному пересмотру теории и практики психотерапии для лучшего решения проблем власти, привилегий и социальной справедливости» и включению профессионалов в дискуссии о социальных конструктах и нарративах, поддерживающих формы угнетения и несправедливости, которые стали нормой в культуре⁶⁰. И поскольку общественное сопротивление этим тенденциям неизбежно, для поддержания

⁵⁸ Handbook of Transdisciplinarity: Global Perspectives / Roderick J. Lawrence (ed.). — Edward Elgar Publishing, 2023. — 696 p. — DOI: 10.4337/9781802207835.

⁵⁹ Snow S. Ethnodramatherapy: Integrating Research, Therapy, Theatre and Social Activism into One Method. — London; New York: Routledge, 2021. — 328 p. — DOI: 10.4324/9781003083818.

⁶⁰ Integrating Social Activism into Therapeutic Practice with Dwight Turner. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=_E4C7c4t_nY (дата обращения: 30.10.2025).

продуктивного напряжения между различными точками зрения, желающим политического участия терапевтам, по всей видимости, предстоит осваивать совещательные делиберативные практики, разрабатываемые в трансдисциплинарном подходе.

Библиография

1. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Вместо введения: Основные типы тенденций развития психологии / Новые тенденции и перспективы психологической науки / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — С. 5–8.
2. Аллахвердов В. М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи / Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — С. 174–194.
3. Schwarzbach N. R., Hoekstra R., Poppe A., Bouman T. K., Pijnenborg G. H. M. When theory and therapy part ways – A scoping review of the science-to-practice gap // *Psychotherapy Research*. — 2025. — Pp. 1–21. — DOI: 10.1080/10503307.2025.2488019.
4. Юревич А. В. Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии // *Методология и история психологии*. — 2010. — № 3. — С. 90–104.
5. Сосланд А. И. Психотерапия в сети противоречий // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. — 2006. — Т. 3. — № 1. — С. 46–67.
6. Симонова О. А. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // *Журнал исследований социальной политики*. — 2024. — № 1. — С. 7–24.
7. Катков А. Л. Эпистемологическое значение психологического кризиса // *Профессиональная психотерапевтическая газета*. — Вып. 11 (ноябрь 2020). — [Электронный ресурс]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psiologicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Труды по психологическому консультированию и психотерапии: Гуманитарные исследования в психотерапии. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyjournals.ru/serialpublications/cppp/archive/2005> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Труды по психологическому консультированию и психотерапии: Психотерапия. Сознание. Культура. — [Электронный ресурс]. —

URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psihologicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 05.11.2025).

10. Мазиллов В. А. Психология и методология: тенденции и перспективы развития / Новые тенденции и перспективы психологической науки / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — С. 11–42.

11. Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Е. Н. Князева. — М.: ИФ РАН, 2012. — 236 с.

12. Gil R., Bartoli S. Influence of Humberto Maturana's epistemology on brief psychotherapy and mental health // Magazine of the Instituto de Investigación en Salud Mental. — 2023. — Vol. 2. — № 3. — DOI: 10.59885/cienciapsique.2023.v2n3.08.

13. Gaffaney J., Donaldson S. I. Addressing the criticisms and critiques of positive psychology: Recommendations for improving the science and practice of the field // Frontiers in Psychology. — 2025. — Vol. 16:1548612. — DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1548612. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1548612/full> (дата обращения: 10.12.2025).

14. Kramer U. A new start for psychotherapy integration [Editorial] // Journal of Psychotherapy Integration. — 2025. — Vol. 35(1). — Pp. 1–2. — DOI: 10.1037/int0000363. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psycnet.apa.org/fulltext/2025-94973-001.html> (дата обращения: 10.12.2025).

15. Rief W., Kopp M., Awarzamani R., Weise C. Selected trends in psychotherapy research: An index analysis of RCTs // Clinical Psychology in Europe. — 2022. — Vol. 30. — No. 4(2). — P. e7921. — DOI: 10.32872/cpe.7921. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9667423> (дата обращения: 10.12.2025).

16. Gaines A. N., Goldfried M. R., Constantino M. J. Revived call for consensus in the future of psychotherapy // Evidence Based Mental Health. — 2021. — P. 24. — DOI: 10.1136/ebmental-2020-300208. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://mentalhealth.bmj.com/content/24/1/2> (дата обращения: 10.12.2025).

17. Houle S. A., Mistry N., Kolodziejczyk S., Baker S., Baldwin D., Garceau C., Sylvestre J., Tasca G. A. Therapist well-being in the context of virtual care: A qualitative study // Counselling and Psychotherapy Research. — 2025. — Vol. 25. — No. 4. — P. e70045. — DOI: 10.1002/capr.70045. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://>

onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/capr.70045 (дата обращения: 10.12.2025).

18. Watts D., D'Souza J., Azevedo M. A., Chaimowitz G., Kapczinski F. Stigmatized individuals: A case for precision ethics // Trends in Psychiatry and Psychotherapy. — 2023. — Vol. 45. — P. e20210354. — DOI: 10.47626/2237-6089-2021-0354. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://trends.org.br/article/10.47626/2237-6089-2021-0354/pdf/trends-45-e20210354.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

19. Вирт К. О. Психотерапия, сфокусированная на сострадании. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyandneuro.ru/stati/compassion-focused-therapy> (дата обращения: 10.12.2025).

20. Филиппов Д. С. Эпигенетический эффект психотерапии. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyandneuro.ru/stati/epigenetic-and-mental-diseases> (дата обращения: 10.12.2025).

21. Дьяков Д. Г. Методологический схизис современной доказательной психотерапии: проблемы и пути выхода. Часть 1 // Консультативная психология и психотерапия. — 2025. — № 33(2). — С. 9–30. — DOI: 10.17759/cPr.2025330201.

22. Катков А. Л. А. Л. Катков о работе над законопроектами: слышим ноты все тех же «старых песен» // Психологическая газета. — 23.10.2025. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psy.su/feed/13355> (дата обращения: 05.11.2025).

23. Смирнова С. В., Хетрик С. В. Угроза «живости» в психотерапии – чрезмерная формализация и стандартизация практик // Психологическая газета. — 15.11.2025. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://psy.su/feed/13396> (дата обращения: 05.11.2025).

24. Филатов Ф. Р. Диадическое взаимодействие «психотерапевт–клиент» как предмет комплексного психологического исследования // Северо-кавказский психологический вестник. — 2008. — Т. 6. — № 3. — С. 86–93.

25. Гриншпун И. Б., Цапкин В. Н. Психотерапия // Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://old.bigenc.ru/pdf/3171664> (дата обращения: 10.12.2025).

26. Бухаров Я. М. Психотерапия: краткий очерк // Шаги / Steps. — 2019. — № 1. — С. 37–53.

27. Бухаров Я. М. Психотерапия // Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://bigenc.ru/c/psikhoterapiia-bab50a> (дата обращения: 10.12.2025).

28. Динабург С. Р. Трансдисциплинарность как практика кооперации и коммуникации // Вестник Пермского национального

исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. — 2015. — № 4. — С. 53–62.

29. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2009. — 205 с.

30. Бардина С. М. Междисциплинарность как методологическая особенность «философии психиатрии»: дисс. канд. филос. наук: 09.00.01. — Москва, 2014. — 184 с.

31. Соловьева С. Л. Отрицательные последствия психологического вмешательства // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2024. — № 2. — С. 39–47.

32. Воробьева Л. И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ: дисс. канд. психол. наук: 19.00.01. — Москва, 2016. — 224 с.

33. Гуггенбуль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине / пер. с нем. С. С. Панкова; науч. ред. В. В. Зеленского. — СПб.: Б. С. К., 1997. — 117 с.

34. Сосланд А. И. Харизматическая личность в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. — 1997. — № 3. — С. 152–191.

35. Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования // Культурно-историческая психология. — 2010. — № 6(2). — С. 88–97.

36. Бурлакова Н. С., Заряник В. В. Профессиональное развитие психотерапевтов и особенности их психотерапевтической практики (обзор результатов международного исследования) // Журнал практического психолога. — 2009. — № 6. — С. 93–112.

37. Handbook of Transdisciplinarity: Global Perspectives / Roderick J. Lawrence (ed.). — Edward Elgar Publishing, 2023. — 696 p. — DOI: 10.4337/9781802207835.

38. Online Etymology Dictionary. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.etymonline.com/word/deliberation> (дата обращения: 14.10.2025).

39. Merriam-Webster Dictionary. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/deliberation> (дата обращения: 14.10.2025).

40. Сидорова И. М. Дискуссия в истории философского познания // Актуальные вопросы современной науки. — 2013. — № 27. — С. 233–243.

41. Павлова Т. В. Делиберация как фактор конституирования поля современной политики // Политическая наука. — 2018. — № 2. — С. 73–94.

42. Vu R. Achieving Peak Performance: A Conversation with Anders Ericsson. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://behavioralscientist>.

org/achieving-peak-performance-a-conversation-with-anders-ericsson/ (дата обращения: 28.10.2025).

43. Эрикссон А., Пул Р. Максимум. Как достичь личного совершенства с помощью современных научных открытий. — М.: Азбука-Аттикус, 2016. — 330 с.

44. Ericsson K. A., Krampe R. Th., Tesch-Romer C. The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // *Psychological Review*. — 1993. — Vol. 100. — No. 3. — Pp. 363–406.

45. Миллер С. Теряя веру: необходимость нового взгляда на психотерапию // Электронный сборник статей портала психологических изданий Psyjournals.ru. — 2019. — Т. 8. — № 2. — С. 1–13. — [Электронный ресурс]. — URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2019_2/pj_2019_2_Miller.pdf (дата обращения: 29.10.2025).

46. Snow S. *Ethnodramatherapy: Integrating Research, Therapy, Theatre and Social Activism into One Method*. — London; New York: Routledge, 2021. — 328 p. — DOI: 10.4324/9781003083818.

47. Integrating Social Activism into Therapeutic Practice with Dwight Turner. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=_E4C7c4t_nY (дата обращения: 30.10.2025).

Deliberative Practices in Psychotherapy and Transdisciplinary Communicativity

Svetlana Dinaburg — Senior Lecturer in the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University; Perm, Russian Federation. E-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0654-4167

Keywords: deliberation, dialogue, context, intentionality, psychotherapy, problematization, consultativeness, transdisciplinarity

The epistemology of psychotherapeutic knowledge is developing as an integrative field that encompasses the intersection of the philosophy of science, psychology, and various helping practices. This contributes to the expansion of therapeutic concepts, enabling a deeper understanding not only of the complexity and dynamism of the psyche but also of the system of cultural relations. In this context, the epistemological problems of psychotherapy are closely linked to the crisis of the mental sciences, the methodological split between theoretical science and practice, and the expansion of psychotherapeutic practice into cultural space. In addition to specific questions, a meta-problem is becoming relevant: is psychotherapy an applied discipline within psychological science or does it represent a new form of knowledge with specific epistemological foundations. Changes in the cognitive and social status of psychotherapy are supported by the processes of global consolidation of Big Psychology, aimed at clarifying the place of the individual in the world, integrating knowledge and cooperation among actors, and using contextually personalized approaches to address contemporary challenges. In this context, interdisciplinary and transdisciplinary research opens up new epistemological perspectives, which is particularly important given the insufficient substantive and methodological development of psychotherapy research. Despite the undeniable value of such research, problems remain with overgeneralization or excessive specificity of research approaches, which makes it difficult to capture the lived experience of development. The current focus of psychotherapy problematization is not so much the effectiveness of methods as the professional and personal development of psychotherapists. The uniqueness of this article lies in its concretization of the idea of developing psychotherapists who strive to recognize their mistakes and limitations,

drawing on the experience of deliberative practices. The principles of deliberation as purposeful development were identified through studying the activities of highly effective professionals who make decisions based on careful consideration and discussion, which also corresponds to the practice of transdisciplinary projects with social significance. It is shown that both the aspects of deliberative practices (professional and social) mutually enrich each other.

References

1. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Vmesto vvedeniya: Osnovnye tipy tendentsii razvitiya psikhologii // *Novye tendentsii i perspektivy psikhologicheskoi nauki / otv. red. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich.* — Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2019. — Pp. 5–8. (In Russian)
2. Allakhverdov V. M. Nauchnoye issledovaniye kak trivializatsiya obosnovannoy akhinei // *Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva.* — Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2007. — Pp. 174–194. (In Russian)
3. Schwarzbach N. R., Hoekstra R., Poppe A., Bouman T. K., Pijnenborg G. H. M. When theory and therapy part ways – A scoping review of the science-to-practice gap // *Psychotherapy Research.* — 2025. — Pp. 1–21. — DOI: 10.1080/10503307.2025.2488019.
4. Yurevich A. V. Eshche raz o «skhizise» issledovatel'skoy i prakticheskoy psikhologii // *Metodologiya i istoriya psikhologii.* — 2010. — No. 3. — Pp. 90–104. (In Russian)
5. Sosland A. I. Psikhoterapiya v seti protivorechiy // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* — 2006. — Vol. 3. — No. 1. — Pp. 46–67. (In Russian)
6. Simonova O. A. «Emotsional'naya razmetka» psikhoterapevticheskoy kul'tury: imperativy, ideynnye protivorechiya i linii analiza // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki.* — 2024. — No. 1. — Pp. 7–24. (In Russian)
7. Katkov A. L. Epistemologicheskoye znachenie psikhologicheskogo krizisa // *Professional'naya psikhoterapevticheskaya gazeta.* — Iss. 11 (November 2020). — [Electronic resource]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psihologicheskogo-krizisa.html> (accessed: 10.11.2025). (In Russian)
8. *Trudy po psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu i psikhoterapii: Gumanitarnyye issledovaniya v psikhoterapii.* — [Electronic resource]. — URL: <https://psyjournals.ru/serialpublications/cppp/archive/2005> (accessed:

05.11.2025). (In Russian)

9. Trudy po psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu i psikhoterapii: Psikhoterapiya. Soznaniye. Kul'tura. — [Electronic resource]. — URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-11/a-l-katkov-epistemologicheskoe-znachenie-psihologicheskogo-krizisa.html> (accessed: 05.11.2025). (In Russian)

10. Mazilov V. A. Psikhologiya i metodologiya: tendentsii i perspektivy razvitiya // Novye tendentsii i perspektivy psikhologicheskoy nauki / otv. red. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. — Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2019. — Pp. 11–42. (In Russian)

11. Evolyutsionnaya epistemologiya: sovremennyye diskussii i tendentsii / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. E. N. Knyazeva. — Moscow: IF RAN, 2012. — 236 p. (In Russian)

12. Gil R., Bartoli S. Influence of Humberto Maturana's epistemology on brief psychotherapy and mental health // Magazine of the Instituto de Investigación en Salud Mental. — 2023. — Vol. 2. — No. 3. — DOI: 10.59885/cienciapsique.2023.v2n3.08.

13. Gaffaney J., Donaldson S. I. Addressing the criticisms and critiques of positive psychology: Recommendations for improving the science and practice of the field // Frontiers in Psychology. — 2025. — Vol. 16:1548612. — DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1548612. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1548612/full> (accessed: 10.12.2025).

14. Kramer U. A new start for psychotherapy integration [Editorial] // Journal of Psychotherapy Integration. — 2025. — Vol. 35(1). — Pp. 1–2. — DOI: 10.1037/int0000363. — [Electronic resource]. — URL: <https://psycnet.apa.org/fulltext/2025-94973-001.html> (accessed: 10.12.2025).

15. Rief W., Kopp M., Awarzamani R., Weise C. Selected trends in psychotherapy research: An index analysis of RCTs // Clinical Psychology in Europe. — 2022. — Vol. 30. — No. 4(2). — p. e7921. — DOI: 10.32872/cpe.7921. — [Electronic resource]. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9667423> (accessed: 10.12.2025).

16. Gaines A. N., Goldfried M. R., Constantino M. J. Revived call for consensus in the future of psychotherapy // Evidence Based Mental Health. — 2021. — p. 24. — DOI: 10.1136/ebmental-2020-300208. — [Electronic resource]. — URL: <https://mentalhealth.bmj.com/content/24/1/2> (accessed: 10.12.2025).

17. Houle S. A., Mistry N., Kolodziejczyk S., Baker S., Baldwin D., Garceau C., Sylvestre J., Tasca G. A. Therapist well-being in the context of virtual care: A qualitative study // Counselling and Psychotherapy Research. — 2025. —

Vol. 25. — No. 4. — p. e70045. — DOI: 10.1002/capr.70045. — [Electronic resource]. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/capr.70045> (accessed: 10.12.2025).

18. Watts D., D'Souza J., Azevedo M. A., Chaimowitz G., Kapczinski F. Stigmatized individuals: A case for precision ethics // Trends in Psychiatry and Psychotherapy. — 2023. — Vol. 45. — p. e20210354. — DOI: 10.47626/2237-6089-2021-0354. — [Electronic resource]. — URL: <https://trends.org.br/article/10.47626/2237-6089-2021-0354/pdf/trends-45-e20210354.pdf> (accessed: 10.12.2025).

19. Virt K. O. Psikhoterapiya, sfokusirovannaya na sostradanii. — [Electronic resource]. — URL: <https://psyandneuro.ru/stati/compassion-focused-therapy> (accessed: 10.12.2025). (In Russian)

20. Filippov D. S. Epigeneticheskiy effekt psikhoterapii. — [Electronic resource]. — URL: <https://psyandneuro.ru/stati/epigenetic-and-mental-diseases> (accessed: 10.12.2025). (In Russian)

21. Dyakov D. G. Metodologicheskiy skhizis sovremennoy dokazatel'noy psikhoterapii: problemy i puti vykhoda. Chast' 1 // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. — 2025. — No. 33(2). — Pp. 9–30. — DOI: 10.17759/cPp.2025330201. (In Russian)

22. Katkov A. L. A. L. Katkov o rabote nad zakonoproektami: slyshim noty vse tekh zhe «starykh pesen» // Psikhologicheskaya gazeta. — 23.10.2025. — [Electronic resource]. — URL: <https://psy.su/feed/13355> (accessed: 05.11.2025). (In Russian)

23. Smirnova S. V., Khetrik S. V. Ugroza «zhivosti» v psikhoterapii – chrezmernaya formalizatsiya i standartizatsiya praktik // Psikhologicheskaya gazeta. — 15.11.2025. — [Electronic resource]. — URL: <https://psy.su/feed/13396> (accessed: 05.11.2025). (In Russian)

24. Filatov F. R. Diadicheskoye vzaimodeystviye «psikhoterapevt–klient» kak predmet kompleksnogo psikhologicheskogo issledovaniya // Severo-kavkazskiy psikhologicheskij vestnik. — 2008. — Vol. 6. — No. 3. — Pp. 86–93. (In Russian)

25. Grinshpun I. B., Tsapkin V. N. Psikhoterapiya // Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. — [Electronic resource]. — URL: <https://old.bigenc.ru/pdf/3171664> (accessed: 10.12.2025). (In Russian)

26. Bukharov Ya. M. Psikhoterapiya: kratkiy ocherk // Shagi / Steps. — 2019. — No. 1. — Pp. 37–53. (In Russian)

27. Bukharov Ya. M. Psikhoterapiya // Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. — [Electronic resource]. — URL: <https://bigenc.ru/c/psikhoterapiia-bab50a> (accessed: 10.12.2025). (In Russian)

28. Dinaburg S. R. Transdistsiplinarnost' kak praktika kooperatsii i

kommunikatsii // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo. — 2015. — No. 4. — Pp. 53–62. (In Russian)

29. Kiyashchenko L. P., Moiseev V. I. Filosofiya transdistsiplinarnosti / Ros. akad. nauk, In-t filosofii. — Moscow: IFRAN, 2009. — 205 p. (In Russian)

30. Bardina S. M. Mezhdistsiplinarnost' kak metodologicheskaya osobennost' «filosofii psikhologii»: diss. kand. filos. nauk: 09.00.01. — Moscow, 2014. — 184 p. (In Russian)

31. Solovyeva S. L. Otritsatel'nyye posledstviya psikhologicheskogo vmeshatel'stva // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region. — 2024. — No. 2. — Pp. 39–47. (In Russian)

32. Vorobyeva L. I. Psikhoterapiya v istorii psikhologii: kul'turno-istoricheskiy analiz: diss. kand. psikhol. nauk: 19.00.01. — Moscow, 2016. — 224 p. (In Russian)

33. Guggenbühl-Craig A. Vlast' arkhetipa v psikhoterapii i meditsine / per. s nem. S. S. Pankova; nauch. red. V. V. Zelenskogo. — St Petersburg: B. S. K., 1997. — 117 p. (In Russian)

34. Sosland A. I. Kharizmaticheskaya lichnost' v psikhoterapii // Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal. — 1997. — No. 3. — Pp. 152–191. (In Russian)

35. Burlakova N. S., Oleshkevich V. I. Razvitiye psikhoterapii kak ob»ekta tselostnogo ponimaniya i sistemnogo issledovaniya // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. — 2010. — No. 6(2). — Pp. 88–97. (In Russian)

36. Burlakova N. S., Zaryanik V. V. Professional'noye razvitie psikhoterapevtov i osobennosti ikh psikhoterapevticheskoy praktiki (obzor rezul'tatov mezhdunarodnogo issledovaniya) // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. — 2009. — No. 6. — Pp. 93–112. (In Russian)

37. Handbook of Transdisciplinarity: Global Perspectives / Roderick J. Lawrence (ed.). — Edward Elgar Publishing, 2023. — 696 p. — DOI: 10.4337/9781802207835.

38. Online Etymology Dictionary. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.etymonline.com/word/deliberation> (accessed: 14.10.2025).

39. Merriam-Webster Dictionary. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/deliberation> (accessed: 14.10.2025).

40. Sidorova I. M. Diskussiya v istorii filosofskogo poznaniya // Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki. — 2013. — No. 27. — Pp. 233–243. (In Russian)

41. Pavlova T. V. Deliberatsiya kak faktor konstituirovaniya polya sovremennoy politiki // Politicheskaya nauka. — 2018. — No. 2. — Pp. 73–94. (In Russian)

42. Vu R. Achieving Peak Performance: A Conversation with Anders

Ericsson. — [Electronic resource]. — URL: <https://behavioralscientist.org/achieving-peak-performance-a-conversation-with-anders-ericsson/> (accessed: 28.10.2025).

43. Erikson A., Pul R. Maksimum. Kak dostich' lichnogo sovershenstva s pomoshch'yu sovremennykh nauchnykh otkrytiy. — Moscow: Azbuka-Attikus, 2016. — 330 p. (In Russian)

44. Ericsson K. A., Krampe R. Th., Tesch-Romer C. The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // *Psychological Review*. — 1993. — Vol. 100. — No. 3. — Pp. 363–406.

45. Miller S. Teryaya veru: neobkhodimost' novogo vzglyada na psikhoterapiyu // Elektronnyy sbornik statey portala psikhologicheskikh izdaniy Psyjournals.ru. — 2019. — Vol. 8. — No. 2. — Pp. 1–13. — [Electronic resource]. — URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2019_2/pj_2019_2_Miller.pdf (accessed: 29.10.2025). (In Russian)

46. Snow S. Ethnodramatherapy: Integrating Research, Therapy, Theatre and Social Activism into One Method. — London; New York: Routledge, 2021. — 328 p. — DOI: 10.4324/9781003083818.

47. Integrating Social Activism into Therapeutic Practice with Dwight Turner. — [Electronic resource]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=_E4C7c4t_nY (accessed: 30.10.2025).